

Остроумов Александр Иванович

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУЖАЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО ИЛИ НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена особенностям становления гражданского общества и публичной политики в России, их неразрывной диалектической связи, характеристике их современного состояния и возможностям реального движения и достижения российским социумом нового качества по пути совершенствования институтов гражданского общества, продвижения к демократии и правовому государству.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 114-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 323

Политология

Статья посвящена особенностям становления гражданского общества и публичной политики в России, их неразрывной диалектической связи, характеристике их современного состояния и возможностям реального движения и достижения российским социумом нового качества по пути совершенствования институтов гражданского общества, продвижения к демократии и правовому государству.

Ключевые слова и фразы: публичная сфера; публичная политика; гражданское общество; правовое государство; институты гражданского общества.

Остроумов Александр Иванович, к. филос. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
aiostroumov@mail.ru

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУЖАЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО ИЛИ НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ[©]

Динамика социально-экономического развития страны за последние годы свидетельствует о том, что Россия вступает в новый этап своего развития. Достигнутые страной успехи по праву признаны мировым сообществом. Интеллектуальный, экономический потенциал требует развития активности гражданского общества. Вместе с тем, современное состояние публичной политики в России по целому ряду причин не соответствует потребностям развития страны и является одним из основных факторов, препятствующих экономическому росту и проведению необходимых реформ. В связи с чем, рассмотрение проблем развития публичной политики и публичной сферы в России является важной и актуальной для исследователя задачей.

Характеризуя разработанность понятийного аппарата, Ю. А. Красин пишет, что «понятия — «публичная сфера» и — «публичная политика» по-прежнему еще не получили должного признания... <...> для нынешней российской политологии эта область пока еще своеобразная *terra incognita*. В то время как на Западе, — продолжает он, — исследование этой тематики рассматривалось как органическая часть политической науки, без которой немислимо понять механизмы формирования политики, взаимодействия в этом процессе государства, гражданского общества, экономики» [3, с. 16].

Иными словами, публичная политика это процесс взаимодействия Власти, Гражданского общества и Бизнеса. Взаимодействие и взаимозависимость указанных субъектов публичной политики в условиях демократии предполагает главенствующую роль институтов гражданского общества, так как именно граждане и их объединения способны осуществлять триединую функцию: 1) формирования государственных органов власти (выбор представительных органов и должностных лиц государства); 2) контроля за их деятельностью через институт выборов, СМИ и др. формы контроля; 3) формирования и определения социального и политического курсов развития общества (через деятельность правящей и оппозиционных партий, различные формы непосредственной демократии, включая митинги и Интернет-ресурсы).

Соблюдение, защита и гарантированность прав и свобод граждан невозможны без наличия публичной сферы. Конечно, гражданское общество, как совокупность частных и корпоративных интересов, отражает и многообразие зачастую противоречивых потребностей, интересов, а также материальных, организационных и духовных возможностей социальных слоев, групп, объединений и ассоциаций. Именно эта противоречивость интересов субъектов гражданского общества и требует публичности, поскольку, с одной стороны, позволяет выявить их позиции и интересы, а с другой — определить точки соприкосновения и сотрудничества, а, следовательно, способствовать не только разъединению, но согласию и интеграции субъектов гражданского общества и политики.

Публичная сфера жизни возникает лишь тогда, когда у государства как организации господства одних людей над другими появляется как внешний ограничитель — в лице институтов гражданского общества, так и внутренний — в виде реализации принципов правового государства (верховенства интересов личности, разделения властей и реальной возможности независимой судебной власти защищать ее права и свободы граждан и их ассоциаций), а также соответствующего механизма взаимодействия ветвей власти, с помощью которого они могут оказывать влияние и контролировать действия друг друга, используя систему «сдержек и противовесов». Иными словами публичная сфера появляется лишь тогда, когда властвующий политический класс под давлением граждан, их объединений, представительных органов вынужден пойти на формирование механизмов, направленных на ее (Власти) правовое «дозированное ослабление». Законодательно этот процесс начинается в конце XVIII века с принятием Конституции США. На практике он продолжается и сегодня. «Отдельный человек испокон веков был беззащитен перед властью, но власть, ослабленная особым (*правовым, конституционным* — прим. автора — А. О.) образом, становится уже неспособной уничтожить его автономию. Он получает возможность бороться с властью если не на равных, то по крайней мере с шансами на успех» [4, с. 19].

При исследовании соотношения публичного и частного, первое обычно ассоциируется с деятельностью государства и общества, частное (приватное) – с личностью и порождаемыми ею межличностными взаимодействиями и отношениями. Всякая политика в силу того, что она связана с отношениями различных социальных общностей по поводу устройства и функционирования государственной власти проявляется в публичности, то есть открытости, информированности общества о целях и задачах политических субъектов, основным из которых выступает государство, как важнейший публичный институт по удовлетворению коллективных потребностей.

Таким образом, в широком смысле публичная политика – это сфера реализации присущих обществу коммунарных (общесоциальных) интересов – любое управление обществом нуждается в публичности.

В узком смысле публичное – это область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение.

Говоря о механизме функционирования публичной сферы можно сказать, что это способ регулирования общества тех реально существующих интересов, реализация которых выходит за рамки прямого взаимодействия частных лиц, а значит, сказывается на жизни других граждан.

Предпосылки публичности в политике.

Политика как духовно практическая деятельность обладает такими свойствами поскольку:

1) коренится в природе человека как существа общественного, политического, объективно требующего социального взаимодействия и обмена деятельностью;

2) обусловлена с необходимостью нахождения баланса, координации, регуляции, оптимизации интересов различных общественных групп;

3) оформляется в виде институтов, связанных с необходимостью организации и упорядочивания социальных взаимодействий посредством согласования и взаимочета позиций и интересов;

4) потенциально (имманентно) содержит дуалистическую возможность для отношений господства одних групп над другими и необходимости сотрудничества в решении социально значимых для общества задач.

Таким образом, когда речь идет о публичной политике, прежде всего, акцентируется внимание на том кто, в каких институтах и с помощью каких инструментов ее формирует.

Субъектами российской публичной политики выступают политический правящий класс, административно-бюрократический аппарат, социальные группы и институты.

Особенностью становления публичной политики в России явилось то, что задача формирования ее предпосылок совпала с задачей формирования публичной сферы, а в более широком аспекте с процессом формирования гражданского общества, его основных институтов и коммуникаций.

Становление субъектов российской публичной политики проходило ряд этапов. Первый начался еще в период горбачевской перестройки и политики гласности. В этот период происходило создание неформальных общественно-политических объединений, различного рода ассоциаций и клубов. Монополии на моно-субъектность партии-государства (КПСС) в конце 1980-х годов пришел конец. Крушение режима, в котором все, что ни существовало, было общественным и беспредельно доминировало над частным, привело к отрицанию господства тотальной политики. Режим, где все есть политика, а точнее квазиполитика, неизбежно, объективно пришел к своему саморазрушению.

Начался процесс формирования самостоятельных, но тесно взаимосвязанных сфер жизни общества – публичной и частной. Нужен был политически свободный, в экономическом отношении самостоятельный, в гражданском отношении организованный и независимый от государства человек. То есть перед российским обществом встала триединая задача: 1) сформировать новые необходимые обществу институты – политические (демократическое правовое государство), экономические (структуры и механизмы рыночной экономики) и институты гражданского общества (прежде всего институты представительства интересов различных социальных групп и институты контроля за деятельностью органов государственной власти); 2) создать правовую нормативную базу для становления и функционирования демократического общества; 3) сформировать духовно-идеологические основания для достижения социально-политического консенсуса и солидарности различных субъектов власти и гражданского общества.

Выход на сцену политики разнообразных субъектов нашел свое отражение в усилении социальных противоречий и увеличении конфликтов между ними. На первом этапе становления публичной политики в России мы наблюдали противостояние институтов Законодательной и Исполнительной ветвей власти. После принятия Конституции РФ 1993 года, избранная тогда же в декабре Государственная Дума оставалась органом оппозиции Исполнительной власти. Примерами федерального и регионального противостояния были отказ Чечни и Татарстана подписать федеративный договор 1992 года, война РФ с Чеченской республикой, а также противостояние пропрезидентского общественно-политического движения «Единство» и блока «Отечество – Вся Россия».

Вместе с тем, такая гетерогенность политического пространства, становление полицентричной / федеративной модели политики определили и ее публичный характер. Специфика политики состоит в том, что она как сфера жизнедеятельности людей постоянно воспроизводится в виде отношений между различными социальными общностями по поводу государственной власти, определенного политического режима в виде (политических) институтов, организаций, ценностей, традиций, идей, теорий, идеологий и т.д. Последние есть результат познания людьми политической реальности и представляют собой субъективную сторону, субъективное восприятие мира политики. Наличие публичной сферы способствует продвижению идей, создает возможность для их циркулирования, доступности и открытости.

Главным субъектом публичной российской политики является ее властвующая элита. Современная политическая элита это достаточно организованная и сплоченная привилегированная группа, меньшинство, облеченное властными полномочиями и имеющее возможность оказывать решающее влияние на процесс принятия важнейших для общества и для сохранения своего господствующего статуса решений.

Отличительная особенность современной политической элиты России – обладание властью и собственностью. На начальном этапе революционных преобразований начала 90-х годов обладание властью позволило политической элите РФ получить доступ к распределению и перераспределению бывшей советской государственной собственности. И сегодня представители правящего в России класса имеют не только власть, но и многомиллионные состояния (о чем свидетельствуют налоговые декларации членов правительства и региональных руководителей). Такое обособленное положение властвующей элиты, позволяющее ей конвертировать административный ресурс и административную власть в собственность, а последнюю, через подконтрольные российские федеральные и региональные СМИ использовать для манипулирования общественным сознанием, делает ее абсолютным монополистом в сфере политики.

В то же время мгновенное превращение властвующей элиты в господствующий в экономике и политике класс, определили и то, что она не считает себя, свой статус и свое положение в полной мере устойчивыми и легитимными. Это порождает необходимость скрывать многие свои действия от общества, что ведет к ее закрытости и обособленности от народа. И сколько бы нам не объявляли в СМИ, что рейтинг власти растет, в общественном мнении мы видим обратное – доверие к ней падает [1]. Обособленное от народа состояние Власти говорит о том, что она имеет лишь смутные представления о его проблемах. Идеология же господства и недоверия к своему народу вряд ли может быть одобрена этим народом. В то же время политическая и административная элита современной России образуют некий симбиоз. «В стране сложилось нечто вроде социального контракта из трех элементов: доверия верховному лицу со стороны большинства населения, закрепления привилегированной роли бюрократии – главного инструмента и главной опоры власти, обретшей невиданную силу и свободу действий и защиты этой бюрократией экономических интересов приближенного к ней крупного бизнеса при условии отказа последнего (в пользу все той же бюрократии) от политических амбиций и части прибылей» [5, с. 60].

В то же время обособленное состояние властвующей элиты от народа находит свое отражение в усилении контроля за таким важнейшим институтом публичной сферы как суд.

Важнейшим результатом деятельности современной российской власти явились шаги и меры по ограничению движения к реальной демократии. Эти меры обсуждаются в российской политологии и по каждой из них предлагаются различные, часто противоположные оценки. Однако, на наш взгляд, дело не в том, что лучше: избирать или назначать глав региональной администрации, иметь смешанную или пропорциональную избирательную систему, сохранять существующий проходной барьер для кандидатов от политических партий в Государственную Думу РФ или его увеличивать / уменьшать, давать ли места партиям, перешагнувшим установленную квоту или нет. Суть вопроса в другом. Многие отмененные законодательные нормы и положения были не только символом, но и реальным воплощением движения российского общества к демократии. Отмена их не может быть связана только с ситуативностью или персоналиями. Деятельность Власти в этом направлении усиливает авторитарную тенденцию российской политики, тем самым, сужая и без того неразвившееся и неокрепшее пространство публичной политики. Конечно, иметь послушное, управляемое большинство в представительных органах государственной власти может быть более важно для современной властвующей элиты, чем поиск баланса интересов различных групп и слоев населения. Однако такая модель политического развития противоречит реальному движению к демократии и формированию публичной политики.

Особенностью современного этапа развития российского общества стал поиск новых адекватных форм и институтов социализации, новых опор, позволивших бы населению ориентироваться в жизни постсоветской России. В этот период начинает формироваться гражданское общество.

Под гражданским обществом мы понимаем совокупность институтов и отношений, разнообразных форм социальной активности, самоорганизации и саморазвития, осуществляемую гражданами и их ассоциациями по представительству и защите своих интересов без непосредственного вмешательства в их деятельность государственных органов.

Отмеченный во многих работах «негосударственный» характер гражданского общества не означает его аполитичность. Публичное представительство интересов различных самоорганизующихся социальных групп в органах государственной власти и местного самоуправления, а также артикуляция групповых и частных интересов, с целью информирования власти и общества о том, что они есть и должны быть соответствующим образом оценены – важнейшие функции гражданского общества.

Гражданское общество начинает формироваться благодаря возникновению определенных социальных институтов и коммуникативных связей, через которые общество оказывается способным влиять на политико-административные и экономические процессы. Важнейшими задачами этапа становления гражданского общества является закрепление прав собственности и политических прав граждан. Закрепление права собственности должно способствовать становлению свободного и материально независимого и ответственного индивида.

К сожалению, процесс становления такого гражданина в России пока находится лишь в зародышевом состоянии. Глубокая пропасть между абсолютным большинством населения лишенного собственности, материального достатка и правящим меньшинством, присвоившим в результате псевдоприватизации львиную часть богатств страны, не способствует ни достижению какого-либо консенсуса, ни возможности наладить диалог общества с властью, а значит, не способствует и становлению публичной политики. Разрешить это противоречие должно развитие социально ориентированного государства и введение прогрессивной шкалы налогообложения.

Для современного российского гражданского общества характерна недостаточная организованность и крайне низкая способность населения к оппонированию и защите собственной позиции. Последнее во многом определяется и самим процессом взаимодействия Власти и общества. Российская власть не признавала и не признает возможность существования в политике самостоятельных и независимых субъектов, которые

могли бы выступать ее партнерами. Все общественные и общественно политические объединения граждан, попав в сферу политики, должны быть подчинены Власти. Самое большее, на что могут рассчитывать институты российского гражданского общества – это быть проводниками воли и интересов Власти. Как отмечает К. Е. Коктыш: «Общество неизбежно воспринимается правящей элитой как непонятный потенциальный субъект, который структурировавшись, может нести в себе серьезную опасность. В силу этого мероприятия власти оказываются направлены в первую очередь на деконсолидацию общества и обеспечение его пассивности, то есть на поддержание его субъектности в латентном состоянии» [2, с. 137].

Кроме того, само по себе гражданское общество без достаточной организованности не способно оказать влияние на политико-административную сферу деятельности (как правило, дальше стихийных выступлений, акций гражданского протеста и неповиновения дело не доходит). Оно нуждается в посредниках. Такими посредниками выступают экономические, общественно-политические институты и структуры (политические партии, общественно-политические движения, профессиональные союзы), создаваемые по инициативе самих граждан. Эти институты призваны отстаивать социальные интересы тех, кто их создал. Если эти институты не выполняют своей посреднической миссии – связующего звена между обществом и государством – роли представителя и защитника интересов своих единомышленников и сторонников, то гражданское общество отстраняется, изолируется и отчуждается от процесса принятия решений и от тех, кто принимает эти решения. Таким образом, в отношениях гражданского общества и с государством, и с этими «посредниками» возникает напряженность и антагонизм.

Особенность становления гражданского общества в России состоит в том, что оно к началу перестройки и последующему этапу трансформации, либо начинало формироваться в виде общественных, социально-политических движений протестного существующему коммунистическому режиму типа, либо представляло собой зачаточные формы независимых инициатив снизу. Гражданское общество в этот период не существовало в виде определенных легальных независимых институтов, легитимность которых закреплялась в законах, защищающих их права и свободы. Боязнь и постоянное желание воспрепятствовать развитию элементарных форм и институтов гражданского общества, прежде всего правящей элитой, номенклатурной бюрократией, определили вполне реальные олигархические тенденции социально-экономических и политических преобразований. Акцент, который делает правящий класс современной России на отсутствие или слабость гражданского общества, часто служит оправданием корпоративно-олигархических порядков, «управляемой демократии».

Процесс олигархизации российской политики последних 10-15 лет, отсутствие существенных прорывов в демократизации страны вновь ставят общество перед выбором между демократическим и корпоративным векторами развития. Однако сегодня ни у общества, ни у власти в этом вопросе нет определенности, нет необходимых для реализации такого выбора ни воли, ни сил. По мнению Ю. А. Красина, «российский олигархический корпоративизм стимулирует «эрозию» зарождающегося гражданского общества. Под давлением финансово-олигархических групп и политических кланов неокрепшие институты гражданского общества (среди них независимые профессиональные союзы, политические партии и ассоциации, средства массовой информации) часто превращаются в закрытые бюрократические организации, в инструменты корпоративной политики» [3, с. 29-30].

Превращение российской власти в традиционного для нашей страны единственного самовластного субъекта политического процесса может способствовать как разрушению публичной политики, так и препятствовать становлению гражданского общества. Принятый в 2001 году закон о политических партиях и изменения в формировании и роли Совета Федерации и многое другое – способствовали движению в этом направлении. Бесспорно одно – в такой ситуации роль «посредника» между обществом и государством реально сможет играть только власть или «партия власти».

Важную роль в становлении институтов гражданского общества многие исследователи отводят институту переговорно-согласительных процедур необходимых для диалога между различными слоями и группами, общественными ассоциациями, между органами государственной власти и группами частных интересов. По мере социальной дифференциации общества, усиления интенсивности социальных взаимодействий диалог, как форма указанного взаимодействия, становится и приобретает особую значимость с точки зрения перспектив общественного развития. Однако оставаясь лишь декларацией и не будучи реализованным на практике, диалогичный потенциал переговорно-согласительных процедур не только не способствует развитию гражданского общества, но и направляет российское общество на путь групповых, корпоративных и этнических конфликтов.

Для формирования публичной политики, демократического (гражданского) общества необходимо создание системы сдержек и противовесов как в политической сфере, так и в самом обществе. Парадоксальность ситуации состоит в том, что российская Власть, являясь монопольным субъектом политики, должна проявить усилия по развитию гражданской инициативы и ответственности, гражданской политической культуры, по привлечению институтов гражданского общества, таких как негосударственные ассоциации, объединения и союзы, к процессу принятия политических решений.

Публичная политика нуждается в арбитре. Арбитр должен быть независимым и незаинтересованным, то есть способным разрешать спор, и в этом отношении он должен быть выше, чем стороны конфликта. Кроме того, он должен быть безразличен к предмету, который они (стороны) не поделили. Осуществлять функцию арбитра в публичной политике могут независимые политические институты: независимые СМИ, способные формировать общественное мнение; институты законодательной власти, в которых общество в целом, а не только правящая элита, через своих представителей определяет законы, правила и нормы поведения, способствующие нахождению баланса интересов; и, конечно, независимая судебная власть.

Становящееся субъектом публичной сферы российское гражданское общество должно научиться бороться за свои права и их расширение, способствовать возникновению ассоциаций и выдвижению инициатив, постоянному обновлению институтов, формирующих у граждан способности критического восприятия деятельности власти. В современной России только начался процесс формирования самостоятельной, независимой, самодостаточной и ответственной за свои действия личности. Речь идет о личности, умеющей ценить себя и уважать других. Именно такая личность способствует формированию и развитию гражданского общества, которое благодаря своим институтам, связям и отношениям составляет вместе с государством публичную политическую сферу жизни.

Список литературы

1. **Исследование «Ромир»: Рейтинг доверия социальным институтам в России в 2013 году** [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://www.gtmarket.ru/news/2013/09/04/6218> (дата обращения: 25.04.2014).
2. **Коктыш К. Е.** Симметрии и асимметрии онтологии власти в Беларуси и России // *Полития*. 2008. № 3 (50). С. 125-137.
3. **Красин Ю. А.** Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // *Публичная политика в России*. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 358 с.
4. **Пастухов В. Б.** У конституционной черты... Вызовы и ответы российского конституционализма // *Полис*. 2013. № 1. С. 7-31.
5. **Холодковский К. Г.** Россия в условиях глобального кризиса / *Мировой экономический кризис в социально-политическом разрезе: материалы круглого стола* // *Полития*. 2009. № 1. С. 58-61.

PUBLIC SPHERE AND PUBLIC POLICY IN MODERN RUSSIA: CONVERGENT SPACE OR NEW PROSPECTS

Ostroumov Aleksandr Ivanovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
aiostroumov@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of the formation of civil society and public policy in Russia, their inseparable dialectical connection, the characteristic of their modern state and the possibilities of real movement and achievement of new quality by the Russian society on the way of the improvement of civil society institutions, advancement to democracy and the law-governed state.

Key words and phrases: public sphere; public policy; civil society; law-governed state; institutions of civil society.

УДК 903.089

Исторические науки и археология

В статье рассматривается специфика солярных символов, созданных в ананьинскую эпоху финно-угорским населением Среднего Поволжья. В качестве культурных параллелей привлечены мифологические тексты, возникшие в индо-иранской среде. Автор полагает, что формирование солярной символики у финно-угров Поволжья происходило в условиях культурных контактов с индо-иранским миром.

Ключевые слова и фразы: ананьинская культурно-историческая общность; финно-угры; индо-иранцы; солярные символы; космологические символы.

Павлова Анжелика Николаевна, д.и.н., доцент
Поволжский государственный технологический университет
angpan@rambler.ru

СИМВОЛЫ СОЛНЦА В ИСКУССТВЕ АНАНЬИНСКОЙ ЭПОХИ[©]

Эпоха существования ананьинской культурно-исторической области (АКИО) была одной из ярких страниц в истории финно-угорского населения Волго-Камья. АКИО охватывала значительную территорию, что обусловило контакты между родственными этносами внутри нее и влияние со стороны внешнего этнокультурного ареала. В Среднем Поволжье население аозинской культуры, входившей в АКИО, судя по сохранившимся произведениям искусства, испытало сильное воздействие ираноязычных соседей [10, с. 76-77], что, вероятно, означало изменения в сфере идеологических представлений, нашедшее отражение в искусстве.

Население Среднего Поволжья в VII-VI вв. до н.э. создало своеобразный художественный язык, для понимания которого недостаточно обращения только к финно-угорской мифологии в силу хронологических расхождений между сохранившимися мифологическими текстами и их изобразительными версиями. Реконструкции основных этапов развития мифологических представлений финно-угорских народов Волго-Камья базируются на поздних записях мифов и параллелях с мифологией этносов, имеющих древнюю письменную традицию [4; 6; 7], что свидетельствует о широких возможностях кросскультурных исследований не только в области мифологии, но и семантики искусства населения Среднего Поволжья ананьинской эпохи.

Следы культурного влияния ираноязычных этносов на финно-угорское население Поволжья можно отметить уже в эпоху бронзы [3], что способствовало проникновению новых идей и образов из степенного мира в среду